

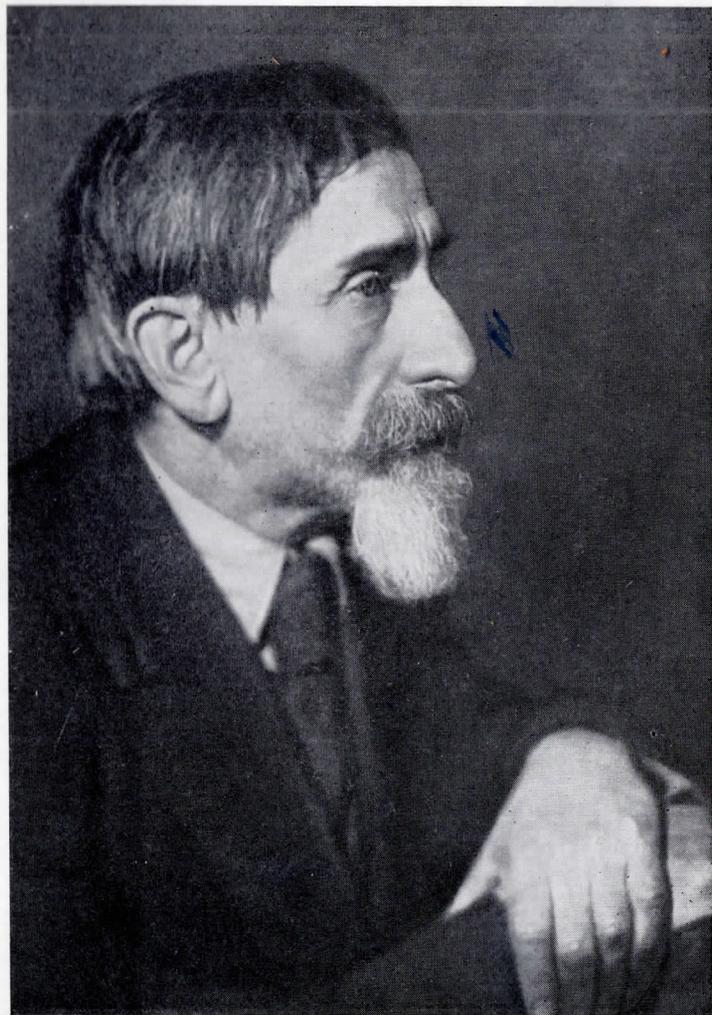
И. М. НУСИНОВ

Избранные
работы

59-3
2108a

И. М. НУСИНОВ

ИЗБРАННЫЕ
РАБОТЫ
ПО РУССКОЙ
И ЗАПАДНОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Москва . 1959

ЛИТЕРАТОР-УЧЕНЫЙ

Жизнь Исаака Марковича Нусинова была беспрестанным движением, иногда с ошибками и блужданиями, но неустанным движением вперед...

Уже пятнадцати лет от роду, воодушевленный революцией 1905 года, И. М. Нусинов включился в революционное движение на Украине и участвовал в борьбе с царским самодержавием.

Поражение революции 1905 года и наступившая реакция отнюдь не обескуражили И. М. Нусинова, хотя ему пришлось эмигрировать в Швейцарию. Правда, первые годы пребывания в Швейцарии омрачились тяжким недугом — туберкулезом позвоночника, который сбил его с ног в буквальном смысле этого слова. Несколько лет молодой эмигрант лежал пригвожденным к постели в одном из швейцарских санаториев.

Но, даже лежа в гипсе на больничной койке, И. М. Нусинов не терял времени зря: со всей присущей ему энергией и работоспособностью он поглощал книгу за книгой. Именно тогда уже был заложен фундамент его обширной эрудиции: весьма основательного знания иностранных языков, истории мировой литературы, истории философии и, прежде всего, классиков марксизма.

Едва только И. М. Нусинов вырвался из клиники, как устремился к лекторской трибуне. Агитатор и пропагандист по самому складу своей натуры, И. М. Нусинов еще в молодые годы, в швейцарской эмиграции, выступал с публичными лекциями по истории литературы. Товарищи по эмиграции по сию пору вспоминают, как часто в Лозанне, в русском клубе, он читал лекции на литературные темы — о Гёте, Шелли и других писателях.

Живший тогда в Лозанне А. В. Луначарский заинтересовался молодым, темпераментным лектором. Они часто встречались, а однажды И. М. Нусинов сопровождал Анатолия Васильевича в Веве, где проживал в ту пору Ромен Роллан.

Не сразу И. М. Нусинов нашел верный, ленинский путь к социализму. Но уже к 1915 году относится его открытое письмо к Г. В. Плеханову, в котором И. М. Нусинов со свойственным ему жаром упрекал Г. В. Плеханова в отходе от позиций интернационализма, в оборончестве. Письмо И. М. Нусинова было в такой мере искренне, что Г. В. Плеханов счел возможным ответить своему молодому критику статьей «Еще о войне», написанной в форме ответа «товарищу Н-нову». «Я не нарушил бы молчания,— писал Г. В. Плеханов,—если бы не ваше письмо ко мне. В нем я увидел вдумчивое отношение к предмету, в нем мне послышались мучительные вопросы, и я решил, что вам я обязан ответить»¹.

Когда представилась возможность, после Февральской революции, вернуться в Россию, И. М. Нусинов, еще не будучи большевиком, по зову Ленина вместе с другими русскими эмигрантами во втором эмигрантском эшелоне пересекает Германию и возвращается в Россию.

В 1918 году в Киеве петлюровцы арестовывают И. М. Нусинова и приговаривают его к смертной казни, но ему удается бежать из Лукьяновской тюрьмы.

В 1919 году И. М. Нусинов вступает в ряды РКП(б).

По окончании гражданской войны И. М. Нусинов весь отдается литературной деятельности. С 1922 года он систематически выступает по вопросам западной, русской и еврейской литературы. В 1924 году заканчивает Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), успешно защитив диссертацию на тему «Проблема исторического романа». В конце двадцатых годов работает в качестве действительного члена Института литературы, искусства и языка (ЛИЯ) Коммунистической академии, а затем профессором западной литературы Института красной профессуры (ИКП), профессором истории еврейской литературы в Московском государственном педагогическом институте (МГПИ), долгие годы

¹ Впервые эта статья Г. В. Плеханова была опубликована в сборнике «Война», вышедшем в 1915 году в Париже. В том же году журнал «Современный мир» в №№ 7—8 воспроизвел статью, но, как указала редакция, «в доступных нам пределах».

заведует кафедрой истории западноевропейской литературы этого же института, редактирует ряд академических и вузовских изданий и т. д. и т. п. В годы великой Отечественной войны, продолжая свою педагогическую деятельность, И. М. Нусинов ведет большую пропагандистскую работу, а также систематически пишет статьи для Информбюро.

Творческая и общественная деятельность И. М. Нусинова трагически оборвалась в 1950 году.

Литературное наследство И. М. Нусинова чрезвычайно обширно и свидетельствует о разносторонности его интересов. Вслед за книгой «Проблема исторического романа», посвященной историческому роману В. Гюго и А. Франса (1927), И. М. Нусинов опубликовал сборник критических статей «Л. Толстой, М. Горький, А. П. Чехов» (1930), книгу «М. Горький» (1933), книгу «Леонид Леонов» (1935), исследование «Вековые образы» (1937), книгу «Пушкин и мировая литература» (1941) и огромное количество статей, с трудом поддающихся учету.

Внимание ученого привлекали к себе различные русские, иностранные и еврейские писатели: В. Гюго, А. Франс, Ш. Нодье, Р. Роллан, А. Барбюс, Ш. Жироду, В. Шекспир, В. Гёте, Дж. Байрон, Ч. Диккенс, Э. Войнич, М. Горький, А. Пушкин, Л. Толстой, Л. Леонов, Б. Горбатов, В. Белинский, Н. Чернышевский, Г. Плеханов, Р. Люксембург, А. Луначарский, Шолом-Алейхем, Д. Бергельсон, П. Маркиш и многие другие. Только недавно обнаружена написанная И. М. Нусиновым для «Истории французской литературы» большая статья о П. Мериме.

И в Коммунистической академии, и в Институте красной профессуры, и в вузах, и в Союзе советских писателей И. М. Нусинов неоднократно выступал по самым разнообразным вопросам теории и практики литературы. Охотнее всего он делал проблемные доклады, ставя еще не разработанные литературоведением вопросы.

Большая личная мягкость сочеталась у И. М. Нусинова с любовью к острым спорам и дискуссиям на литературные темы. Он считал правильной старую поговорку: «Истина рождается в споре».

Творческий путь И. М. Нусинова — сложный и трудный путь исканий. Но над всеми теоретическими проблемами и над всеми конкретными задачами, поставленными перед собой И. М. Нусиновым, неизменно высилась одна всепоглощающая проблема и одна основная партийная задача — борьба за социализм. В связи

с этим и социалистический реализм был для И. М. Нусинова не какой-то абстрактной литературоведческой категорией, а кровным, партийным делом жизни, конкретным литературным выражением борьбы за построение и утверждение социалистического общества.

Еще в 1934 году И. М. Нусинов писал, что социалистический реализм «не является тематическим обозначением» и «предполагает художественное раскрытие всей действительности СССР и капиталистических стран, всего прошлого человечества *в свете борьбы за социализм*».

Какими бы весьма учеными темами ни занимался доктор филологических наук, профессор И. М. Нусинов, все и вся он стремился подчинить главной задаче своей научной деятельности — привести читателя к выводу о безусловной обреченности эксплуататорского строя и неизбежности смены его социалистическим обществом, призванным гармонически сочетать высшие проявления материальной и духовной культуры человечества.

Под пером исследователя история литературы выступала как обвинительный акт против эксплуататорского общества. При этом не только социалистическая, но и классическая литература прошлого привлекались в качестве суровых свидетелей против классового общества.

Были ли у И. М. Нусинова в этой литературоведческой борьбе ошибки? Разумеется, были, и нередко очень серьезные. В некоторых работах И. М. Нусинова можно обнаружить срывы, чрезмерно упрощенные оценки, «прямолинейные» суждения, вульгарно-социологические положения.

Нельзя понять литературное наследие И. М. Нусинова — его достоинства и срывы, — не памятуя о той конкретной политической обстановке, когда складывались литературоведческие взгляды И. М. Нусинова. Взгляды эти начали формироваться в эпоху «военного коммунизма». Несомненно, влияние этой великой и суровой эпохи сказалось самым положительным образом на лучших сторонах литературной деятельности И. М. Нусинова, его коммунистической партийности, неустанной борьбе с антиобщественным пониманием литературы. Но в то же время в эту эпоху величайшего революционного напряжения в творчестве И. М. Нусинова, прежде всего в его ранних работах, давало себя знать довольно распространенное в ту пору известного рода «самоограничение», недостаточное внимание к эстетической специфике литературы и искусства.

Стоит, однако, внимательно проследить творческий путь И. М. Нусинова, чтобы убедиться в том, что отнюдь не отсутствие любви к искусству порождало в нем такого рода тенденцию. Достаточно ознакомиться с тем, что писал И. М. Нусинов о художественном мастерстве М. Горького, или прочесть работу И. М. Нусинова об «Антонии и Клеопатре» Шекспира и «Египетских ночах» А. Пушкина, чтобы убедиться в том, как влюблен был исследователь в художественную литературу, как умел он, когда брался за это, тонко анализировать богатый и сложный мир героев хотя бы и очень далекого прошлого, вплоть до античности.

Нельзя забывать и о той полемической атмосфере, в которой И. М. Нусинов вел свою литературоведческую деятельность.

На протяжении своей долгой работы И. М. Нусинов, в ряду с другими марксистами-литературоведами, неустанно воевал — именно воевал — против западноевропейских и отечественных буржуазных историков литературы, против разного рода декадентских «модернистских знаменитостей», против эстетства, формализма, фактографизма, наукообразного «биографизма» и им подобных «измов», вплоть до возродившейся в недавние годы теории «единого потока».

Не приходится удивляться тому, что эта обостренная полемика с апологетами «чистого», «надклассового» искусства усиливалась в работах И. М. Нусинова крен в сторону акцентирования социальной, классовой обусловленности литературных процессов, — крен, который нередко переходил в упрощенное и вульгаризаторское истолкование художественной литературы и в особенности классического наследия.

Справедливости ради следует заметить, что наибольшее количество ошибок И. М. Нусинова относится к раннему этапу его литературоведческой деятельности. Многие из того, что было ошибочным, он впоследствии охотно — и не на словах, а творчески — пересматривал. Достаточно сопоставить более поздние работы И. М. Нусинова с его ранними исследованиями, чтобы наглядно убедиться в том, как велико было стремление ученого освободить свои труды от того, что было наносным и неверным, и как охотно, в частности, он обогащал свои исследования новыми психологическими наблюдениями, жизненными красками, художественными деталями.

Предлагаемый вниманию читателя сборник включает в себя

избранные работы И. М. Нусинова, представляющие собой лишь небольшую часть его обширного литературного наследия. Но и они позволяют составить представление о литературоведческой деятельности И. М. Нусинова и его творческом развитии.

Начиная с первых исследований, в центре научных интересов И. М. Нусинова неизменно стояла проблема романтизма. Генезис романтизма, взаимоотношения и борьба различных романтических школ и направлений, их специфические особенности и роль в общественной деятельности долгие годы занимали ученого. Ставя и разрешая проблему романтизма на конкретном историко-литературном материале, И. М. Нусинов чаще всего обращался к истории французской литературы, в особенности к творчеству В. Гюго.

Еще в своей ранней работе, посвященной «Девяносто третьему году» В. Гюго (в книге «Проблема исторического романа», 1927), как и в других исследованиях, в том числе и включенной в наш сборник вступительной статье к одномому В. Гюго (1936), И. М. Нусинов, полемизируя с идеалистическими и «надклассовыми» историками литературы, выдвинул свою концепцию генезиса и взаимоотношения различных романтических школ и направлений. Несмотря на отдельные упрощения, многое из того, что сделал в этой области И. М. Нусинов, давно уже вошло в научный обиход нашей истории литературы.

И. М. Нусинов критикует историков литературы — идеалистов и эклектиков, которые смогли только увидеть один из наиболее характерных признаков романтизма в любви к историческим сюжетам, но не смогли выяснить основной смысл этого факта. Важно не то, что почти все романтики интересовались историческими сюжетами, отмечает исследователь, а то, «какие эпохи они выбирали и как они освещали сюжеты. Здесь вскрывается различная социальная природа этих романтиков».

Напомнив рассказ М. Горького о том, как однажды Л. Н. Толстой сказал ему: «романтизм — это от страха взглянуть правде в глаза», И. М. Нусинов пишет об истоках той идейной, социальной борьбы, которая обусловила возникновение и столкновение различных романтических школ после Великой французской революции. Боявшиеся после революции взглянуть правде в глаза — слишком нерадушные перспективы раскрывались перед ними, — дворянские романтики идеализировали феодальное, католическое прошлое в противовес настоящему, а демократические романтики идеализировали мир светлых чаяний, должного в про-

тивовес существующему социально-политическому правопорядку. Оба лагеря находились в оппозиции, но не могли изменить положение вещей, так как реальное соотношение сил было не в их пользу. И они стали романтиками в политике. «Романтизм, — замечает исследователь, — стал литературным восстанием потому, что он был литературной формой политической оппозиции: справа — консервативных романтиков, а слева — радикальных романтиков».

В своем анализе идейных и художественных особенностей романтического творчества В. Гюго И. М. Нусинов говорит об обусловленности этого творчества историческим и социальным бытием французской радикальной демократии середины XIX века.

Вместе с тем И. М. Нусинов показывает тщетность разрешения социально-политической коллизии на тех путях, которыми шел такой гигант прогрессивной литературы, как Виктор Гюго. В его творчестве выражалось недовольство радикальной демократии тем, что идеалы свободы, равенства и братства не воплотились в жизнь после Великой французской революции. Он, как и все радикальные романтики, мечтал о том времени, когда эти идеалы восторжествуют, хотя и не видел тех реальных сил, которые могли бы сделать эти мечты явью. Отсюда социальная романтика. А «социальная романтика породила литературную романтику».

Раскрывая в статье «Виктор Гюго» подлинный смысл знаменитого эстетического манифеста В. Гюго (предисловие к «Кромвелю»), И. М. Нусинов наглядно убеждает в том, что, несмотря на реалистическое звучание, этот манифест не мог не быть романтическим. Не имея возможности изменить мир силой, В. Гюго противопоставил существующему миру мир должный и стал в своих произведениях «дополнять великое правдой, а правду великим». Так возникла романтическая поэтика В. Гюго, культ слова, призванного перестроить души людей и... их общественные отношения. В противовес формалистам, считавшим, что литературный прием был результатом «отношения материалов», И. М. Нусинов видит в нем результат отношения классов. «Бессильный бороться мечом, класс должен был бороться пером, и это перо необходимо было так отточить, чтобы возможно стало на время единоборство меча и пера».

И. М. Нусинов немало внимания уделяет поэтике В. Гюго. Правда, исследователя интересует прежде всего генезис формы, происхождение тех или иных художественных приемов, которыми

пользуется В. Гюго, обусловленность этих приемов идейными, политическими, социальными устремлениями художника. Но нельзя не отметить меткости многих из замечаний И. М. Нусинова о творческой манере В. Гюго, о столь характерных для него: культуре слова, контрастировании, гиперболизме, дидактике, афористичности, императивной лаконичности диалога. Именно потому, что идейная и художественная сущность творчества В. Гюго — не паспортная деталь, а веление сердца и ума великого трибуна, поставившего свой замечательный талант на службу социальным низам Франции середины XIX века, именно поэтому, пишет исследователь, это творчество так органично выражало общественные идеалы и художественные вкусы широчайших народных масс.

Отдавая должное народолюбию В. Гюго, И. М. Нусинов вместе с тем справедливо говорит и об ограниченности мировоззрения В. Гюго, который осуждает восстание пролетариата в июне 1848 года, так как оно было, по его мнению, «бунтом народа против самого себя», так же как впоследствии он осудил Парижскую коммуну. Все это приводится исследователем для того, чтобы показать, что даже такие гиганты радикальной демократии, как В. Гюго, не могли найти подлинных путей к освобождению народа, которому были искренне преданы.

Следует отметить эволюцию взглядов И. М. Нусинова на творчество В. Гюго. В ранней работе И. М. Нусинова «„Девяносто третий год“ В. Гюго» отчетливо дала себя почувствовать исповедовавшаяся в ту пору И. М. Нусиновым вульгаризаторская релятивистская теория «классовой субъективности» и «классовой ограниченности» любого писателя.

Однако, противореча самому себе, И. М. Нусинов в той же ранней работе «Девяносто третий год», а еще в большей степени в написанной через девять лет статье «Виктор Гюго», подчеркивает объективно-познавательную ценность творений В. Гюго и ту огромную позитивную роль, которую В. Гюго сыграл в борьбе французского народа за свои интересы. Историзм помогает И. М. Нусинову увидеть в В. Гюго не просто «идеолога мелкой буржуазии Франции», а писателя, правдиво раскрывшего перед народными массами весь ужас их бытия, художника, воодушевлявшего народ высокими, прогрессивными идеалами, выраженными в той единственной романтической форме, которая соответствовала этим идеалам. Исходя из конкретной историко-литературной обстановки, И. М. Нусинов совершенно резонно пишет

в статье «Виктор Гюго», что, так как романтическая поэтика В. Гюго и его дидактика отвечали на запросы действительности, так как в них выразился протест масс против деспотизма, бесправия и ужасов капитализма, В. Гюго удалось создать яркие и действенные образы.

И. М. Нусинов отходил от релятивистской теории «классовой субъективности» не только в своей вступительной статье о творчестве В. Гюго. В 1934 году в статье «Дворянско-буржуазный и социалистический реализм» И. М. Нусинов совершенно четко говорит об объективно-познавательной ценности творений классической литературы прошлого, которые показывают читателю «существенные стороны действительности» и являются «документами первостепенной важности для объективного познания изображаемых ими процессов».

Характеризуя великого романтика Виктора Гюго, коммунист-литературовед отдает дань уважения трибуну французской радикальной демократии XIX века: «Его романтизм отражал бессилие современной ему демократии реальными путями социальной борьбы утвердить свободу и социальную справедливость. Но его романтизм в то же время воспитывал волю к победе и к социальной справедливости, ненависть к насильникам».

С великим уважением И. М. Нусинов отмечает и в жизни политического эмигранта В. Гюго преданность идеалам свободолюбия. Ученый-большевик не может не поставить в заслугу В. Гюго то, что за весь период царствования Наполеона III он «ни на минуту не поколебался, тогда как очень многие из его бывших соратников капитулировали и перешли в стан победителя». А когда, замечает И. М. Нусинов, в 1859 году Наполеон III, укрепившись, амнистировал высланных депутатов, В. Гюго отказался воспользоваться амнистией и заявил: «Я вернусь во Францию, когда туда вернется свобода».

Разумеется, говоря о «пацифизме» В. Гюго, И. М. Нусинов имел в виду его антимилитаризм, ненависть к захватническим войнам. В статье о В. Гюго верно отмечается и то, что «В. Гюго не был принципиальным непротивленцем». Недаром он так пламенно призывал к защите Парижа от прусской военщины.

В статье И. М. Нусинова «Виктор Гюго», как и в ряде других его работ, нетрудно обнаружить ряд неточных, противоречивых, а порой неверных оценок и суждений.

Нельзя, например, согласиться с утверждением И. М. Нуси-

нова, что поэзию В. Гюго «сейчас знают по преимуществу поэты и специалисты по французской литературе». Правда, в противоречие с этим заявлением, И. М. Нусинов в той же статье сам признает, что сила Гюго «особенно сказалась в его поэзии. Новатор французского стиха, обогативший французскую поэзию исключительной образностью, бесконечным разнообразием своих ритмов, он сделал свою поэзию орудием огромного общественного воздействия».

Пафосом борьбы против капиталистического общества, дошедшего в XX веке до последних границ деградации, проникнуты заключительные строки статьи о В. Гюго. Наследниками В. Гюго во Франции законно объявляются передовые писатели современности, воспринявшие идеалы Великой Октябрьской социалистической революции.

Вступительная статья И. М. Нусинова к роману «Жан Сбогар» (1934) исходит из его общей концепции романтизма. Говоря о причинах возникновения временного блока различных романтических школ и направлений и неизбежности их разрыва, И. М. Нусинов рисует сложный и противоречивый облик Ш. Нодье, одно время ставшего средоточием едва ли не всех романтических течений. Не лишено интереса в этом литературном портрете органическое слияние идейного и творческого облика Ш. Нодье. И здесь И. М. Нусинов не упускает возможности дать оценку морально-политическому поведению писателя, весьма саркастически отозвавшись о том, как Ш. Нодье, будучи привлечен к ответственности за оду, в которой позволил себе выпад против Наполеона, «на допросе поспешил покаяться и заявить, что считает „это скверным поступком и что никогда не следует позволять себе писать против правительства“». А следом за этой критикой морально-политической «половинчатости» Ш. Нодье И. М. Нусинов дает содержательную критику творческой половинчатости Ш. Нодье, застрявшего на перепутье между борющимися литературными направлениями. В связи с этим И. М. Нусинов и роль Ш. Нодье в литературной борьбе Франции характеризует как весьма относительную: «Самое творчество его поэтому никогда не становилось литературной бурей, а всегда оставалось лишь барометром где-то происходящих бурь. Чутко сигнализируя близкую перемену погоды, сам он никогда литературной погоды не делал».

В 1937 году И. М. Нусинов пишет послесловие к роману

Э. Войнич «Овод». Его восхищает моральный облик бесстрашного революционера — героя «Овода». Чуждый сектантским соображениям, И. М. Нусинов при всех его принципиальных реалистических устремлениях отнюдь не чурается романтического ореола «Овода». Исходя из исторически конкретной действительности, И. М. Нусинов ставит этот романтический ореол в заслугу герою и его автору. «Именно потому, что романтика книги отразила многие элементы романтики действительности, — справедливо замечает исследователь, — она, помимо воспитательного значения, имеет и большое познавательное».

Читатель статьи о Проспере Мериме, одной из последних работ И. М. Нусинова (1941), не сможет не отметить дальнейшей эволюции исследователя, порвавшего с теорией «классовой субъективности».

Наряду с критикой недостатков и ограниченности П. Мериме, И. М. Нусинов дает интересный анализ того вклада, который внесло творчество П. Мериме в историю французской и мировой литературы.

В нашем сборнике избранных работ И. М. Нусинова значительное место отведено его статьям о творчестве М. Горького, которое И. М. Нусинов изучал до конца своей жизни.

Основные труды И. М. Нусинова о М. Горьком были им собраны в книге «Горький» (1933).

Можно упрекнуть И. М. Нусинова в том, что в приводимых нами работах анализ отдельных произведений М. Горького дан несколько изолированно от всего его творческого пути, в результате чего недостаточно ощущается место данного произведения во всем творчестве М. Горького.

Вместе с тем читатель не может не отметить, что уже в начале тридцатых годов И. М. Нусинов пишет о Горьком как об основоположнике социалистического реализма.

Разрешение коллизий, неразрешимых для классической литературы прошлого, И. М. Нусинов находит в литературе социалистического реализма, в произведениях ее зачинателя М. Горького. Конечно, М. Горький видел не меньше гнусного и отвратительного, чем критические реалисты, но, вооруженный научной теорией Маркса и Ленина, он находил и достойный ответ на мучительные вопросы бытия: в существовании, с одной стороны, аморальных хищников, с другой — их жертв, безвольных и обреченных, он видел закономерность классового общества и показывал те силы, которые взорвут собственническое общество. Именно

поэтому И. М. Нусинов видит в Горьком не только приемника классического наследия, но и создателя нового метода — метода социалистического реализма.

В литературной деятельности М. Горького И. М. Нусинов особо отмечает проникнутую глубочайшим и органическим оптимизмом *этику* зачинателя социалистического реализма.

Этика эксплуататорских классов, пишет И. М. Нусинов, зиждется на тезисе об исконной и неизменной от природы порочности человека, тезисе, нашедшем свою законченную формулировку в известном афоризме Гоббса: «Человек человеку — волк». Поэтому-то и знания, по утверждению буржуазных мизантропов, не в силах улучшить положение человека. Недаром эти мизантропы так любили не менее известный афоризм Экклезиаста: «Больше знаний — больше боли».

В противовес безнадежно-пессимистической этике буржуазии А. М. Горький выдвигает марксистскую, подлинно оптимистическую этику. Коль скоро общественное бытие изменчиво, изменяется не только сознание, но и мораль людей. Пороки человека — порождение социального строя, к которому человек принадлежит. В отличие от поклонников тезиса Гоббса «Человек человеку — волк», М. Горький «явственно показывает, в какой мере... человеческая подлость и звериность являются результатом не какой-то извечной природы человека, а конкретно-исторической природы собственного мира, результатом самой сущности капитализма».

М. Горький защитил звание человека от поклепа скептиков и мизантропов. Недаром М. Горький так резко и непримиримо боролся против декадентов и модернистов. Этика М. Горького органически связана с его верой в народные массы, она исходит, как пишет И. М. Нусинов, из «глубокого убеждения в безграничности творческих сил социально освобожденного человека, беспредельности его победы над природой». М. Горький всем своим творчеством убеждал в том, что будущее положит конец «тоске скованных творцов: повара Смурого, кочегара Якова, плотника Осипа и др.».

Но этика М. Горького, по верному замечанию И. М. Нусинова, отнюдь не ограничивается оптимизмом, жизнелюбием и реабилитацией «природы человека». Этика эта по-большевистски партийна, революционна. Человек, если он достоин этого высокого звания, должен гордо противостоять миру насилия и бороться за дело раскрепощения народа от оков эксплуататорского

общества. Именно поэтому И. М. Нусинов любовно цитирует гневные слова М. Горького о покорности и терпеливости: «ничто так не уродует человека так страшно, как уродует его терпение, покорность силе внешних условий».

С подлинно революционной настойчивостью И. М. Нусинов отмечает ненависть М. Горького к постыдному либеральному соглашательству и приспособленчеству, начиная с образа Смолина, в котором Горький дал «проникнутый ленинской ненавистью к либералам портрет просвещенного буржуа», и кончая чудесным сказом про Ивана-воина и Мирона-отшельника, рассказанным бабушкой Алеше Пешкову. Иван-воин, по указке злого воеводы Гордиона, пытался загубить «тихого, правды защитника», старца Мирона-отшельника. И за черное это дело Иван-воин был поделом наказан. Приведа жалостливые самооправдания Ивана-воина («не сам иду, нужда ведет»), И. М. Нусинов с явным одобрением рассказывает о «заслуженной каре Ивана-воина» и весьма сочувственно приводит революционную мораль присказки:

Злого бы приказу не слушался,
За чужую совесть не прятался!

Работы И. М. Нусинова о М. Горьком изобилуют интересными наблюдениями над построением и развитием образов и конфликтов, над художественными приемами писателя, его языком. Весь этот враждебный формализму анализ художественного мастерства М. Горького подчинен генеральной задаче исследователя — борьбе за социалистический реализм. И. М. Нусинов пользуется любым, представившимся ему поводом, чтобы высмеять модернистов.

В книге о М. Горьком, как и в других своих трудах, И. М. Нусинов охотно пользуется образными характеристиками. Таково, например, замечание И. М. Нусинова о том, как у М. Горького книги характеризуют человека: «Книги у Горького всегда выступают в единстве с людьми... Они существуют не сами по себе, а в своей неотделимости от живых людей. В псалтыре — суровость старика Каширина, в сказке про Ивана-воина — сердечность и совестливость бабушки и «Хорошего дела», в трагической гибели Остапа («Тарас Бульба») — боль повара Смурого и всех «подобных ему, добрых, одиноких, отломившихся от жизни людей», в романах Монтепэна — осуществленная мечта маленькой закройщицы, вера немощных, маленьких людей».

в возможность иной, более человеческой жизни, песни Беранже — свидетельство красоты и необычности королевы Марго». «Не прав был Толстой,— резонно добавляет И. М. Нусинов,— когда он однажды говорил Горькому, что Горький слишком много читает и что это неблагоприятно отражается на его творчестве. Книга для Горького была всегда продолжением жизни, орудием познания жизни, чашей, которою он пил из источника жизни».

Статья И. М. Нусинова «А. В. Луначарский» (1935), написанная вскоре после смерти Анатолия Васильевича Луначарского, представляет собой по сути дела развернутый некролог. С величайшим пиететом И. М. Нусинов писал об А. В. Луначарском как «тонком ценителе искусства», оставившем «прекрасные, исключительной ценности работы» и с большим тактом руководившем литературным процессом. Правда, порой И. М. Нусинов впадал в явное преувеличение. Только недоумение способна вызвать, например, дифирамбическая характеристика А. В. Луначарского как «недюжинного поэта и драматурга».

Вместе с тем И. М. Нусинов отмечал и сложность творческого пути А. В. Луначарского, допущенные им ошибки. И, конечно, И. М. Нусинов был прав, когда, возражая охотникам преувеличивать ошибки А. В. Луначарского, писал, что, хотя Луначарский прошел свой путь «не без блужданий», но его ошибки необходимо понять. «Именно потому,— писал И. М. Нусинов о «биологической эстетике» А. В. Луначарского,— что это — ошибка революционера, она не определяет всего характера его литературного пути».

Весьма симптоматично то, что И. М. Нусинов писал об отношении А. В. Луначарского к труду литературоведа. Одной из характерных черт И. М. Нусинова являлось то, что это был литературовед по призванию, литературовед, проникнутый глубочайшим уважением к своей многотрудной профессии, уважением, перераставшим, если дозволено так выразиться, в культ литературоведческой профессии. И совершенно естественно, что целый раздел в своей статье И. М. Нусинов посвятил борьбе А. В. Луначарского с недооценкой роли и значения литературоведения и критики, недооценкой, выражавшейся в небезызвестных формулах: «Писатель — источник первоизданного. А критик комментирует нечто уже созданное. Он плетется, как надоедливая тень, за художником». Обрушиваясь на тех из буржуазных литературоведов Запада и России, которые утверждали, что «невозможно установить закономерность литературного процесса», И. М. Ну-

синов с великим удовольствием воспроизводит ответ А. В. Луначарского такого рода стрицателям литературоведческой науки, ответ, представляющий собой подлинный апофеоз труда критика и литературоведа,— но, разумеется, критика-марксиста. «Критик-марксист,— писал А. В. Луначарский,— на свой особый лад познает действительность. Он познает ее через художественные образы... И если он творчески раскрывает закономерность художественных образов, выясняет их роль в социальном процессе... то он, тем самым, раскрывает какие-то новые стороны действительности, какие-то новые жизненные отношения. Он тем самым воздействует на восприятие этих образов читателем, на дальнейшее формирование литературного процесса. Он всем воздействием по-новому, по-своему на самую действительность... Он творческая личность... не тень писателя, а действительный творческий фактор всего художественного процесса страны, эпохи, класса...»

Для творческой биографии И. М. Нусинова совершенно закономерно и то, что он пишет статью о литературных взглядах вождя немецких спартаковцев-коммунистов Розы Люксембург (1933), собирает статьи Розы Люксембург, редактирует и выпускает в 1934 году сборник этих статей со своим предисловием. По многим вопросам И. М. Нусинов вступает в полемику с Р. Люксембург. Порой он сам ошибается. Прежде всего это относится к его высказываниям о Л. Толстом, которого он долгое время зачислял в «дворянские писатели» и лишь в последних работах отказался от такого рода определения. Можно и должно упрекать И. М. Нусинова в том, что он упрощенно говорит о «социальной природе» Ф. Шиллера. Совершенно очевидно, что когда И. М. Нусинов вслед за Розой Люксембург выступает против «тенденциозного искусства», он борется не против идейного искусства «большого стиля», а против ничем не прикрытой агитки, «тенденциозного искусства в грубом смысле этого слова».

Но, дискутируя, И. М. Нусинов, как и в статье об А. В. Луначарском, не упускает главного — коммунистической партийности Розы Люксембург, ее страстной борьбы против эстетов, за искусство больших общественных идеалов, за искусство, одухотворенное «великим, благородным мировоззрением». И. М. Нусинов подчеркивает, что Роза Люксембург «не приемлет эстетской виртуозности» и противопоставляет «эстетствующим модернистам» и «безыдейным приспособленцам» — немецкую и русскую классическую литературу: Гёте, Толстого, Короленко, Горького.

Что же касается ошибок Розы Люксембург в ее общетеоретических и литературных работах, то И. М. Нусинов вполне своевременно приводит слова В. И. Ленина о Розе Люксембург: «Мы ответим на это двумя строками из одной хорошей русской басни: орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться»¹.

В Розе Люксембург И. М. Нусинов справедливо видел прообраз человека социалистического общества: «Жизнь великих пролетарских революционеров является не только образцом поведения для каждого рабочего, для каждого участника пролетарской революции — она содержит в себе значительные элементы, характеризующие человека будущего бесклассового общества. Великие пролетарские революционеры в той или другой мере, каждый на свой лад, представляют собою прообразы будущего человека. Вся их жизнь заполнена интересами революционной борьбы. Ей они отдают всю свою волю, усилия, таланты, знания».

Эти вдохновенные слова в высокой степени знаменательны и характерны для идеалов И. М. Нусинова, к достижению которых он, рядовой участник пролетарской революции, стремился до конца своей жизни.

Я. Металлов

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 183—184.

СОДЕРЖАНИЕ

Я. Металлов. Литератор-ученый	3
Художественная история расцвета и гибели русского ка- питализма	
«Фома Гордеев»	19
«Дело Артамоновых»	87
Автобиографические повести А. М. Горького	
Правда о жизни («Детство»)	172
У источника («В людях»)	193
«Васса Железнова»	
I. Преодоление трагического	223
II. Два текста «Вассы Железновой»	231
А. В. Луначарский	240
Роза Люксембург о художественной литературе	258
Виктор Гюго	279
Шарль Нодье	329
О романе Э. Войнич «Овод»	353
Проспер Мериме	367

ЗР-24162

03 1959 г. Акт № 843

Нусинов Исаак Мойсеевич

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

Редактор Я. М. Металлов

Художник *Н. А. Зарин*
Техн. редактор *Г. В. Котова*

Худож. редактор *В. В. Медведев*
Корректор *Л. К. Фарисеева*

Сдано в набор 4/X 1958 г. Подписано к печати 14/II 1959 г. А-00327. Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 12¹³/₁₆ (21,01). Уч.-изд. л. 20,02. Тираж 5000 экз. Заказ № 2011. Цена 9 р. 55 к.

Издательство «Советский писатель» Москва, К-9, Б. Гнезниковский пер., 10.
Типография 4 УПП Ленсовнархоза, Ленинград, Социалистическая, 14.